

С О О Б Щ Е Н И Я

ГЕРЦЕН—ПРУДОН—ТОЛСТОЙ

Сообщение Н. Мендельсона

В 1861 г. Л. Н. Толстой при содействии Герцена познакомился с Прудонем и беседовал с ним на всевозможные злободневные темы. Сам по себе этот факт был давно известен, но никаких особенных выводов из него не делалось. В работе Б. М. Эйхенбаума о Толстом ¹ этому факту придано большое значение — и не без основания. Беседы с Прудонем, как доказывает Б. Эйхенбаум, отразились на страницах „Войны и мира“; самое название романа повидимому не случайно совпадает с заглавием книги Прудона „La Guerre et la Paix“, которую он закончил как раз в момент появления Толстого в Брюсселе. Книга эта вышла в мае 1861 г. и имела большой отклик в России, а в 1864 г. появилась в русском переводе. В статье Драгомирова, направленной против взглядов Прудона на Наполеона и на войну, сделан намек на их сходство со взглядами Толстого. К фактам, собранным и сопоставленным Б. Эйхенбаумом, мы имеем возможность прибавить еще кое-что, касающееся Герцена, Толстого и Прудона.

П.-Ж. Прудон, знаменитый автор работ „Что такое собственность?“ (1840) и „Система экономических противоречий“ (1846), произведших сильное впечатление на Герцена еще до его эмиграции, сблизился с ним после революции 1848 г. Через посредство Ш.-Э. Хоецкого ² Герцен оказал материальную помощь Прудону для издания его газет „Peuple“ и „Voix du peuple“. Начиная с 1858 г., когда вышла книга Прудона „De la justice dans la révolution et dans l'Eglise“ („О справедливости в революции и церкви“), отношение Герцена к Прудону, интимно-дружеское, позволявшее Герцену посвящать его во все подробности своей семейной драмы, начинает меняться. „Над ним [Прудонем] тоже совершился рок... Человек, который смог написать целый том (в 200 с лишком страниц) римско-католической клеветы против женщин — не свободный человек“, писал Герцен М. Мейзенбуг 4 июня 1858 г. ³ „Давно мне не было так невыносимо больно, как при чтении книги Прудона“, писал Герцен ей же через несколько дней ⁴. Любопытно, что это не помешало Герцену 15 мая 1860 г. напечатать в 71 л. „Колокола“ следующую рекомендацию второго, бельгийского, издания возмущившей его книги Прудона: „Прудон издает вновь свою книгу „О справедливости в революции и церкви“, либретонами. К каждому либретону прибавляет он главу „Опыт популярной философии“. Обращаем внимание почитателей великого диалектика социализма на его новый труд. Вот заглавие: „Essais d'une philosophie populaire. De la justice...“, par P.-J. Proudhon. Bruxelles, office de publicité, Montagne de la Cour, 39 ⁵.

Отрицательное отношение Прудона к национально-освободительным движениям, в частности к Польше, способствовало окончательному разрыву отношений между ним и Герценом.

Толстой навестил Герцена в то время, когда этот разрыв еще только назревал. Прудон интересовал Толстого давно. Еще во время первой заграничной поездки он записал в дневнике под 13/25 мая 1857 г.: „Читал логического, материальн[ого] Прудона, мне ясны были его ошибки, как и ему ошибки идеалистов. Сколько раз видишь свою бессильность ума, всегда выражающуюся односторонностью, еще лучше видишь эту ⁶ односторонность в прошедших мыслителях и деятелях, особенно когда они дополняют друг друга. От этого любовь [одно слово неразобр.] в одно все эти взгляды, и есть единственный, непогрешительный закон человечества“ ⁷. Вероятно еще до личного знакомства с Прудонем, перешедшего в „самые близкие отношения“ ⁸, Толстой неодно-

кратно беседовал о нем с Герценом. Речь шла наверно не только об ошибках Прудона-материалиста вообще, но и конкретно об ошибках Прудона как автора книги о справедливости.

Б. Эйхенбаум извлек из „Correspondances“ Прудона незамеченное прежними исследователями письмо к Gustave Chaudey (от 7 апреля 1861 г.), в котором Прудон описывает свое свидание с Толстым:

„Один из моих московских друзей, замечательный Александр Герцен, изгнанный пятнадцать лет назад, собирается вернуться в Петербург. Вся Россия охвачена восторгом. Царь издал свой указ об освобождении по соглашению с дворянами и посоветовавшись со всеми. Зато надо видеть гордость этих ex-nobles. Один очень образованный человек, г. Толстой, с которым я беседовал на-днях, сказал мне: „Вот это настоящее освобождение. Мы не отпускаем своих рабов с пустыми руками, мы даем им вместе со свободой собственность“. Он сказал мне кроме того: „Вас много читают в России, но не понимают важности, которую вы приписываете вашему католицизму. Только после того, как я побывал в Англии и Франции, я понял, как вы были правы. В России церковь — нуль“.

Этот рассказ Прудона о беседе с Толстым мы можем дополнить до сих пор не появлявшимся в печати воспоминанием последнего. Оно находится среди черновиков педагогических работ Л. Н. Толстого (1862 г.) и в самом непродолжительном времени будет опубликовано в VIII томе „Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого“, выходящего под общей редакцией В. Г. Черткова. С разрешения последнего привожу строки, непосредственно относящиеся к Прудону:

О значении народного образования.

В прошлом году мне случилось говорить с Г-ном Прудоном о России. Он писал тогда свое сочинение о праве войны⁹. Я ему рассказывал про Россию, про освобождение крестьян и про то, что в высшем классе общества заметно такое сильное стремление к образованию народа, что стремление это выражается иногда комично и переходит в моду. — Неужели это в самом деле правда? сказал он мне. Я отвечал, что, насколько можно судить издали, в русском обществе проявилось теперь сознание того, что без образования народа никакое государственное устройство не может быть прочно. Прудон вскочил и прошелся по комнате. — Ежели это правда, — сказал он мне как будто с завистью, — вам, русским принадлежит будущность. Я привожу этот разговор с Прудоном потому, что в моем опыте это был единственный человек, который понимал значение народного образования и книгопечатания в наше время.

* * *

В распоряжении редакции „Литературного Наследства“ имеется кроме того копия письма Прудона к Герцену от 11 апреля 1861 г., в котором Прудон упоминает о беседе с „одним ученым“ — Толстым. О существовании этого письма было известно по письму Прудона Герцену от 21 апреля того же года (напечатано в XI томе переписки Прудона и в собр. соч. Герцена под ред. Лемке, т. XI). Рауль Лабри, автор книги „Герцен и Прудон“ (Raul Labry, „Herzen et Proudon“. Paris 1928) говорит, что пропаша этого письма „особенно досадна, так как оно было исходной точкой их идейного размежевания в вопросе о Польше“. Из текста письма видно, что это предположение ошибочно: о Польше здесь здесь ничего не говорится. Интересно это письмо тем, что оно проливает некоторый свет на историю размовки Герцена с Прудоном, относящейся к этому времени. Несомненно Герцена задел тот факт, что Прудон поверил слухам о его возвращении в Россию; обиженный, он написал Прудону раздраженное письмо; на которое Прудон отвечал упомянутым выше письмом от 21 апреля.

Приводим текст письма по копии, сделанной в Париже, к сожалению не вполне исправной:

Bruxelles, rue du Bunil, 8; 11 avril 1861

Cher Monsieur Herten,

Je possède vos deux dernières lettres, l'une de 24 dbre 1860, l'autre du 19 janvier 1861.

La première m'apportait le portrait de notre ami Bacounine, dont je vous suis bien reconnaissant; elle m'annonçait en même temps la visite de M. Serno, un excellent jeune homme qui m'a fait grand plaisir à voir et à l'entendre.

Je crois avoir eu aussi la visite de M. Zapornik qu'annonçait votre 2-me lettre: mais je n'ai pas gardé souvenir de ce monsieur; les visages russes se confondent tous un peu dans ma mémoire.

Enfin, j'ai eu ces jours derniers M. Tolstoï, un savant, qui s'est présenté à moi d'autre part.

Je suis heureux, cher Monsieur Herten, de la sympathie que me témoignent les démocrates de votre pays: à présent que l'Empereur Alexandre a décrété l'émancipation des paysans et que la liberté d'aller et venir est aussi grande en Russie qu'en [France?] ¹⁰. On dit que, le cas échéant, la terre moscovite [вырвано слово], à défaut de la terre belge, pourrait m'être hospitaliaire, ce que certes ne serait pas arrivé sous Nicolas.

Je vous ai expédié, il y a une 15-e de jours, par la poste les deux dernières livraisons de mon livre de la Justice, édition Belge. Malheureusement, j'ai adressé par mégarde à votre ancien domicile, Park-house, Fulham. Avez-vous reçu ce paquet?

Si vous vouliez le réclamer.

On me dit que vous songez à rentrer en Russie. Mon ami, ce que vous ferez bien, si votre liberté n'y est pas compromise. De mon côté, je songe à rentrer en France, bien que les choses ne rient pas, il s'en faut de beaucoup, telles que les avait fait espérer le diner du 26 dbre.

La France, de plus en plus aplatie, est en même temps divisée dans tous les sens. La raison publique est à l'eau et la morale au diable. Tout marche en Europe, la France seule, tout en brandissant son grand cable, rétrograde. Les... [оторвано] s'agitent: hier c'était la... [не разобрано] qui exploitait l'empire, faisant de Napoléon III leur instrument; aujourd'hui c'est le St-Simonisme, la camarille du Siècle et celle du Palais-Royal. A travers toutes ces intrigues le Peup[le] se tait et se meurt.

Donnez-moi, avant de vous embarquer pour Pétersbourg, un dernier mot de souvenir, serrons nous la main au nom de la Révolution européenne.

Tout votre

P. J. Proudhon

Перевод:

Брюссель, улица Бюнияль, 8; 11 апреля 1861

Дорогой г. Герцен,

Я получил два последних ваших письма, одно от 24 декабря 1860, другое от 19 января 1861 г.

Первое принесло мне портрет нашего общего друга Бакунина, за который я вам очень признателен; в то же самое время оно сообщило мне о визите г. Серно, превосходного молодого человека, видеть и слышать которого было для меня огромным удовольствием.

Кажется, что навестил меня и г. Запорник, о посещении которого сообщало ваше второе письмо; но я не сохранил воспоминания об этом господине; все русские лица как-то сливаются в моей памяти.

Наконец на этих днях был у меня г. Толстой, ученый, который явился ко мне иным путем.

Я счастлив, дорогой г. Герцен, той симпатией, которую мне изъявляют демократы вашей страны в настоящее время, когда император Александр декретировал освобождение крестьян и когда свобода передвижения так же велика в России, как и во Франции. Говорят, что в случае надобности земля московская [вырвано слово], за недостатком земли бельгийской, могла бы оказать мне гостеприимство, чего разумеется не могло бы случиться при Николае.

Недели две назад я отправил вам по почте два последних выпуска моей книги *О справедливости*, бельгийское издание. К сожалению по недосмотру я адресовал на вашу старую квартиру — Park-house Fulham. Получили ли вы этот пакет?

Не написали бы вы о книге? Говорят, что вы мечтаете о возвращении в Россию. Друг мой, это было бы прекрасно, если бы только ваша свобода там не была поставлена под угрозу. Со своей стороны я мечтаю о возвращении во Францию, хотя события и не веселят; нужно нечто большее, такое, на что заставлял надеяться обед 26 декабря.

Франция, все более и более унижаемая, в то же время разьединена во всех отношениях. Общественная мысль пошла ко дну, мораль послана к чорту. Все движется вперед в Европе. Франция только одна размахивая своим огромным канатом тянет вспять [Оторвано]... действуют: вчера это была.... (?), которая эксплуатировала империю, делая из Наполеона III свое орудие; сегодня это сен-симоцизм, камарилья Siècle или Palais-Royal. И посреди этих интриг народ молчит и умирает.

Прежде чем сесть на корабль перед отъездом в Петербург пришлите мне последнее слово на память, пожмем друг другу руки во имя европейской Революции.

Весь ваш

П. Ж. Прудон

Первое... общего друга Бакунина. Об этом письме к Прудону с приложением портрета Бакунина, сделанного в Иркутске, Герцен упоминает в письме к сыну (т. X, стр. 478). Было еще несохранившееся письмо Герцена к Прудону от 13 апреля 1861 г. с извещением, что он не едет в Россию (т. XI, стр. 86—88).

Серно — Серно-Соловьевич, Николай Александрович (1834—1866) — видный деятель оппозиционного движения конца 50-х начала 60-х годов, сотрудник „Колокола“, энергично помогавший Герцену и Огареву поддерживать их русские связи.

Zarognik — предполагаю, что здесь ошибка безграмотного и плохо читавшего почерк Прудона лица, делавшего копию, и что речь здесь идет об Александре Запаснике, который изучал за границей финансовое, в частности банковское дело. Он был знаком с Герценом и Огаревым и мельком, но в дружеских тонах, упоминается в их эпистолярни.

Толстой — Лев Николаевич Толстой.

* * *

В заключение еще один документ — письмо Герцена к Прудону. Оно находится в автографе в московском Литературном Музее.

21 Novembre 1861. Orset House
Westbourne Terrace

Mon cher Monsieur Proudhon,

Cette fois je prends la plume pour Vous communiquer une excellente nouvelle. Notre ami Mich. Bakounine s'est enfin sauvé de la Sibérie. Il a pris la route énorme de la Manjurie, a traversé le Japon et m'a adressé une lettre de S. Francisco (le 15 oct.) — il est sain et sauf et viendra à Londres le 1 janvier.

Je voulais me donner le plaisir de Vous avertir immédiatement. Cela va bien en Russie, nous sommes pleins d'espérances.

Tout à Vous
A. Herzen

Перевод:

21 ноября 1861 г.

Мой дорогой г. Прудон,

На этот раз я берусь за перо, чтоб сообщить вам превосходную новость. Наш друг Мих. Бакунин наконец спасся из Сибири. Он проделал длинейший путь по Манчжурии, пересек Японию и прислал мне письмо из С.-Франциско (15 окт.) — он жив и здоров и прибудет в Лондон к 1 января.

Я хотел доставить себе удовольствие немедленно известить вас.

В России все идет хорошо. Мы полны надежд.

Весь в. ш
А. Герцен.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Эйхенбаум, Б. М., Толстой. Книга первая. Пятидесятые годы. „Прибой“. Л., 1928, стр. 383—392. Книга вторая. ГИХЛ. Л.-М., 1931, стр. 281—309.

² Письма Герцена к Хоецкому впервые опубликованы, с комментариями Л. Б. Каменева, в сборнике „Звенья“, II, „Academia“, М.-Л., 1933, стр. 369—382.

³ Герцен. Полное собрание сочинений и писем под ред. М. К. Лемке, т. IX, стр. 251—252. В „Комментариях“ к „Былому и думам“ (ГИЗ. 1932, стр. 345) Л. Б. Каменев ошибочно счел это письмо адресованным к М. К. Рейхель.

⁴ Там же, стр. 253.

⁵ Герцен, т. X, стр. 316.

⁶ В подлиннике описка: это.

⁷ По подлиннику.

⁸ Маковицкий, Д., Яснополянские записки. Стр. 55.

⁹ „La Guerre et la Paix“. Recherches sur le principe et la constitution du droit des gens“.

¹⁰ Заключенное в прямые скобки здесь и ниже вставлено лицом, снимавшим копию.

НЕИЗДАННОЕ ПИСЬМО Н. Г. ПОМЯЛОВСКОГО

Сообщение Н. Белавина

Эпистолярное наследие Помяловского так невелико, что каждое найденное письмо вносит новые и притом весьма существенные факты в его мало изученную биографию и литературную деятельность. За годы революции нам известны две такие публикации. Первая — письма к М. М. и Ф. М. Достоевским (в сборнике „Из архива Достоевского“, М., 1923), очень интересные для характеристики его сотрудничества во „Времени“ и разрыва с ним, когда журнал этот во второй половине 1862 г. резко повернул вправо. Вторая — в № 5 „Нового мира“ за 1927 г., где В. В. Гиппиус напечатал письмо Помяловского к А. Н. Пыпину и несколько писем к нему, из них два — того же Пыпина. Переписка с Пыпиным, связанная с сотрудничеством в „Современнике“, относится к последним месяцам жизни Помяловского и представляет несомненный интерес для исследователей революционно-демократической литературы 60-х годов. Она ярко рисует невыносимо тяжелое материальное положение писателя, цензурный гнет, заставлявший его нередко с омерзением думать о литературном труде, дает некоторый материал для характеристики отношений Помяловского с редакцией „Современника“ в 1863 г., т. е. после ареста Чернышевского, отношений, которые были повидимому не лишены подчас некоторых шероховатостей. Переписка связана с одним из посещений Пыпина Помяловским, когда он принес Пыпину письмо с просьбою о деньгах (в счет платы за обещанные „Современнику“ литературные произведения), „ответа на которое ожидал у подъезда“. Письмо это не было до сих пор известно и фигурирует в комментариях В. В. Гиппиуса как „не дошедшее“ до нас. Между тем оно сохранилось в Рукописном отделении Библиотеки Академии Наук (ныне передано в Институт русской литературы) и, поскольку представляет большой интерес как само по себе, так и в связи с опубликованной В. В. Гиппиусом перепиской, мы считаем необходимым его напечатать. Вот его текст:

„Между нами“.

Добрейший Александр Николаевич!

Приходится сознаться, что я нагнул своими к Вам письмами, тем более, что Вы человек больной, и я встревожил Вас своею ерундою. Но что же делать? На сумасшедших не должно сердиться. Дело в том, что я долго пил и много пил, дошел почти до пятой в своей жизни белой горячки. Вы должны знать, что при делириуме трементальном состоянии¹, при сильном развитии чувствительности кожи, постоянных приливах крови к голове алкоголисту все представляется в мрачном цвете, и, кроме того, алкоголист начинает сильно глупить. Образчиком глупостей алкоголизма могут служить мои к Вам последние два письма. Повторяю: страшно пил,— и говорить, так договаривать. Только моя, как и Боткин говорит, крепкая натура могла вынести то непомерное пьянство, которое совершилось со мною в последние два месяца. Я постоянно пил, а за неделю тому назад, в продолжение двух суток,

с тремя пьяницами, как и я, распил: две бутылки джину, бутылку хересу, ведро водки и еще полуштоф. Ошалела магдалина... При хроническом алкоголизме, повторяю, алкоголисту все представляется в мрачном свете и вверх ногами. Так случилось и со мною. В пятницу, будучи в редакции, я вообразил, что и Вы, и Салтыков, и Антонович, и Головачев — все смотрели на меня с глубочайшим презрением и отвращением... Мне бросился в голову вопрос: „вру я, что ли?“ И действительно, говоря о [Сусло]вой², я не отступил от правды ни на пол-ногтя. Под влиянием алкоголизма мне тошно стало. Я пошел из редакции и жестоко напился. На основании этих данных и объясняйте сумасшествие моего последнего к Вам письма.

Романа я не сжег и не разорвал — домашние не позволили...

Пишу это письмо хоть и отравленный алкоголем, но в полном сознании и рассудке. Студенты, добрый народ (студенты м[едицинской] академии), сказали мне: „вы должны работать... мы не дадим вам ни одной рюмки водки: будем чередоваться при вас — и относительно водки вы лишены прав своей воли. Станете противоречить — мы стащим вас к Болинскому (психиатру м[едицинской] академии)“.

Я понять не могу, где причина моего пьянства. Правда, была причина, пять лет тому зародившаяся, да она теперь не существует — как-то выдохлась. Я изучал свое пьянство, а знаю весь процесс его развития, все мельчайшие признаки и подробности этого гадкого дела, но — остановиться трудно, трудно, трудно: с лучшими докторами советовался и ничего поделаться не мог. Говорят, что от запоя есть еще средства, а от пьянства нет их. Что мне делать? Что предпринять? Если бы можно было оправдаться тем, что — пьян по наследству, зачат пьяным отцом, то еще можно было бы чем-нибудь извиниться, но мой отец был трезвый человек, мать — тоже. Если бы не скверный мой порок, я и работал бы много и доволен был бы собой. Но теперь разведает душу проклятая кокоревщина³... не презирайте меня. Я болен.

Но, несмотря на болезнь, исполню свои обязательства к „Современнику“.

При встрече с Вами, не напоминайте мне о моих письмах, потому что лежачего не бьют.

Вполне преданный вам Помяловский.

1863 г.

Сентябрь 16.

На обороте приписано:

„Между нами“.

Александр Николаевич!

Некрасов говорил Благовещенскому, что достаточно от меня 10 п. листов, чтобы покрыть мой долг „Современнику“ (мне кажется, что это очень роскошно). Я Вам, в продолжение этих двух месяцев, дам 17 листов, но под условием: если Вы дадите мне теперь, в самый скорый срок, помимо месячной платы в 75 р., — 150 р. с., чрез это избавите меня от многих забот, мешающих спокойно сидеть дома и заниматься делом. Чем скорее выхлопочете нужную мне сумму денег, тем скорее сделаете доброе дело. Просить лично. Вас я посовестился. Но деньги до того необходимы, что я, несмотря на обещание — поставить для „Современника“ две статьи, не сделаю этого, если не будут у меня деньги, нужные мне, по необходимости, потому что должен буду потратить время для добывания их на стороне, а на стороне добыть их очень мало шансов, а потому очень много хлопот. Будьте так добры,

ответьте „да“ или „нет“. В случае отказа с Вашей стороны на мое письмо, я надеюсь, что Вы, разорвав его, никому не сообщите его содержание.

Вполне преданный Вам Н. Помяловский.

Р. S. Хорошо если бы хоть часть нужной мне суммы Вы выслали бы теперь же с кем-нибудь из своей прислуги. Во всяком случае, ответьте что-нибудь. Я не знаю, что и делать мне. — Я ожидаю ответа у Вашего подъезда. Сами не ходите, потому что мне будет неловко. Вышлите деньги либо ответ с прислугой.

Письмо производит прямо-таки ошеломляющее впечатление.

Помяловский является одним из самых талантливых писателей радикальной мелкой буржуазии 60-х годов. Оставленное им литературное наследие представляет большую художественную ценность, а в идеологическом отношении обнаруживает в нем типичного „шестидесятника“. Это видно не только по таким характерным для 60-х годов произведениям, как „Молотов“ и „Мещанское счастье“, но и по „Очеркам бурсы“, особенно в их первоначальной редакции. Полного текста этого произведения мы к сожалению не имеем, но в архиве Института русской литературы Академии Наук СССР сохранилась (с пропуском нескольких страниц) рукопись четвертого очерка „Бегуны и спасенные бурсы“, который был повидимому совершенно изуродован цензурой и представляет исключительную идеологическую ценность: тут и материализм, и атеизм, и разумный эгоизм (утилитаризм), столь характерные для мировоззрения людей 60-х годов⁴. Очень интересен замысел начатого Помяловским романа „Брат и сестра“; дошедшие до нас наброски и отрывки свидетельствуют о том, что он хотел показать жизненный путь молодого человека, приехавшего в столицу и постепенно опускающегося на дно, изображение которого и было повидимому в центре внимания автора. Откуда же предполагал Помяловский почерпнуть материал из жизни столичного люмпен-пролетариата? Он стал пропадать по целым неделям в трущобах Сенной площади, а так как еще со времен бурсы у него осталась привычка к водке, то, вращаясь среди населения трущоб, он все более и более поддавался этой слабости, пока наконец не дошел до такого состояния, что уже без медицинской помощи не мог излечиться. В водке он искал и забвения от разочарования и апатии, которые охватили его в связи с реакцией, отчетливо обозначившейся в 1862 г.: воскресные школы, которыми он так увлекался, были закрыты, „Современник“ временно запрещен, Чернышевский арестован и т. д.⁵ С другой стороны, он неоднократно намекал близким ему лицам на какую-то несчастную любовь, оставившую в нем глубокую сердечную рану. Повидимому это же имеет он в виду и в публикуемом нами письме, когда говорит, что была причина его пьянства, „пять лет тому зародившаяся, да она теперь не существует, как-то выдохлась“.

Сознавая, что он все больше и больше делается рабом страсти, ведущей его к гибели, в то время как у него зрели прекрасные творческие замыслы, Помяловский в неоконченном романе „Брат и сестра“, давая картину физического и морального падения спившегося человека, с горечью восклицает: „О, препоганая мать-природа, зачем ты создала мать-сивуху?.. Великий русский народ, расшиби ты поганую посуду с поганой сивухой, наплюй в окна кабаков и в рожи их производителей... Но чую, чую взбешенной душой, что это все напрасно написано... Значит, так тому и быть, на роду, что ль, нам написано это?.. Проклятая жизнь и проклятая ты, природа!..“

Этот вопль погибающего человека становится особенно понятен, когда прочитаешь письмо Помяловского к Пышину, которое и писано-то, по собственному признанию автора, в состоянии отравления алкоголем. Говоря о неимоверном количестве выпитого, он сообщает, что „дошел почти до пятой в своей жизни белой горячки“, и с безнадежным отчаянием спрашивает: „Что мне делать? Что предпринять?“ Не одного из писателей 60-х годов водка преждевременно свела в могилу, но едва ли у кого из них взгляд на свою страсть как на неизлечимую болезнь доходил до того трагизма, какой выражен в публикуемом нами письме.

Письмо датировано 16 сентября 1863 г., а через 19 дней после этого Помяловский умер. В сентябре 1863 г., излечившись от приступов белой горячки, он увлекся писанием „Порочая“ и замыслом нового романа „Гражданский брак“; в этом романе Помяловский хотел сатирически изобразить людей, искажающих близкие ему революционные идеи 60-х годов, в частности взгляды на женщину и брак, видевших в них лишь очередную моду, и вместе с тем защитить молодое поколение от несправедливых нападков. Он решил „работать, работать“. Но внезапно у него на ноге обнаружилась опухоль, цыркульник неумело поставил пиявки, и 5 октября 1863 г. Помяловский, отвезенный в клинику, умер от заражения крови на 29-м году жизни, в расцвете таланта, полный интереснейших творческих замыслов.

Из опубликованной В. В. Гиппиусом переписки Помяловского с Пыпиным мы знаем, что последний, не имея нужной Помяловскому суммы, обещал попросить у Панаева и уведомить его о результате. После этого Помяловский опять пишет Пыпину о безвыходности своего положения, просит хлопотать о деньгах у Некрасова, обязуется представить редакции „Современника“ „Каникулы“ (другое название „Гражданского брака“), отказывается дать „Очерки бурсы“, тем более, что редакция, как ему кажется, не желает их помещать, относительно же романа „Брат и сестра“ заявляет, что разорвет „все тетради“ так как ему „опротивела цензурная литература“ и он хочет „дела, а не сипондрия“, если же дела не будет, то станет пить „мертвым поем“. Пыпин в следующем своем письме выражает удивление по тому поводу, что Помяловский „ожидал у подвезда“, извиняется, что не разглядел его, когда он вошел, опять подтверждает, что у него действительно не было денег, видит недоразумение в словах Помяловского о нежелании редакции „Современника“ печатать „Очерки бурсы“, оправдывается в отрицательном отношении редакции „Современника“ к идее „Каникул“ и в конце письма убеждает Помяловского не бросать литературной деятельности.

Таким образом из рассмотрения содержания всей переписки повидимому с несомненностью следует, что опубликованное нами письмо является, так сказать, исходным пунктом и должно быть поставлено первым. Но, с другой стороны, в напечатанном В. В. Гиппиусом письме Помяловский говорит о намерении сжечь или разорвать начатый роман, а здесь сообщает, что не сжег и не разорвал его; из этого как будто следует, что публикуемое нами письмо было написано после того. Но вероятно к мысли разорвать роман и прекратить литературную деятельность Помяловский обращался неоднократно, о чем мог писать Пыпину и раньше, например в тех упоминаемых им, но не дошедших до нас письмах, в которых он по собственному его выражению „нагнул“.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Делириум тременс — белая горячка.
- ² Кокорев, Василий Александрович (1817—1889) — откупщик, наживший на спаивании народа многомиллионное состояние.
- ³ Сулова, Надежда Прокофьевна (1843—1918) — первая в России женщина-врач, во время вольнослушательница петербургского университета.
- ⁴ По этому вопросу см. нашу заметку: „К вопросу об идеологическом значении „Очерков бурсы“ Помяловского“ в № 9—10 „Звезды“ за 1930 г. Полный текст „Бегунов и спасенных бурсы“ опубликован И. Ямпольским в сборнике „Шестидесятники“ (М., 1933).
- ⁵ См. М. Борисов: „Без живого дела“ („Наша Заря“ 1913, № 9).